

нея ни присутствія духа, ни физической бодрости, чтобы предупредить то, что ей сейчасъ скажетъ ненавистный офицеръ.

Онъ все улыбался:

— Танцовщица... и эта, и та... Сестры... какъ, бишь, ихъ фамилія? Да это все равно.

— Такъ вы находите, что я на нихъ похожа? — спросила Зина, и больше не могла уже ничего прибавить.

Слово „танцовщица“ прозвучало у него особенно. Конечно, онъ знаетъ, что она незаконная дочь балетной корифейки... и онъ нарочно указалъ ей на этихъ двухъ— „ces deux filles“, со злобой и презрѣніемъ выговорила она про себя.

Куда же дѣвались всѣ ея герартіи, ея отвѣты, которыми она могла, тамъ, за границей, парировать кому угодно... даже тому принцу; а ужъ онъ ли не дерзокъ на слова, особенно послѣ десерта и ликеровъ?!

Голова не повинуется ей... холодный потъ выступилъ на вискахъ... но она слышитъ его тихій, деревяннаго звука, голосъ:

— Право, Зинаида Мартыновна, не стоитъ у насъ такъ... точно на майскій парадъ...

И глаза его говорили такъ ясно то, что она уже видѣла въ нихъ и прежде:

„Какъ ты ни рядись, какого стіля ни держись, и все же ты похожа на танцовщицу и на иностранку-наѣздницу, а не на барышню родовитаго семейства, настоящаго высокопоставленнаго общества, и всѣ кругомъ, навѣрное, этакъ и смотрятъ на тебя“.

Въ головѣ у нея дѣлалось все туманнѣе... Что же это такое? Неужели она упадетъ въ обморокъ? Видитъ она передъ собою Сосѣ; красный, розовый, абрикосовый цвѣта пестрѣютъ передъ ней. И она такъ же одѣта, точно попугай.

Сначала вертѣлись цвѣта платья, а потомъ пошли круги, круги и сѣрою рябью все заволокло, въ родѣ частаго дождя... Это—приступъ невралгій.

— Проведите меня,—успѣла она сказать.

Рынинъ взялъ ее подъ-руку, крѣпко, крѣпко прижалъ ее къ своей и ведетъ. Она уже съ трудомъ различаетъ лица, туалеты, мужчинъ, женщинъ; голова закружилась; мучительно тошно...

Вся она обомлѣла: вдругъ тутъ, при всѣхъ, въ такомъ туалетѣ, и тошнота... усилится?

Она сдѣлала надъ собою послѣднее усиліе.

Рынинъ проталкивался въ толпѣ. Сзади раздался звонокъ; всѣ побѣжали къ повъзду, чуть не сбили ихъ съ ногъ.

— Тише!—гнѣвно крикнулъ онъ:—не видите—дамъ дурно?!